

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 170-летию со дня рождения профессора Ф.Ф. Мартенса (1845–1909)

*Воронин Е.Р.**

«Ни идея разобщенности, ни идея преклонения перед физической силой... не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Её руководящее начало – идея права»¹

Русская школа международного права сыграла важнейшую роль в становлении международного правопорядка и науки современного международного права. Недооценка роли доктрины международного права профессора Ф.Ф. Мартенса сопровождала историю международных отношений и международно-правовых оснований современного мира. Наследие школы профессора Ф.Ф. Мартенса, величайшего юриста и талантливое дипломата России, может рассматриваться как правовой инструмент противодействия нынешним процессам фрагментации международного права, правовому нигилизму и маргинализации роли международно-правовых норм в международных отношениях.

Ключевые слова: международное право; Ф.Ф. Мартенс; русская школа международного права; Гаагская конференция мира 1899 г.; принцип невмешательства; международное правосудие; теория международного общения Мартенса; идея права как определяющая идея международного права; Конвенция о мирном разрешении международных столкновений.

* Воронин Евгений Ростиславович – Чрезвычайный и полномочный посол, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. Ilc48@mail.ru.

Преодоление отсутствия доверия в отношениях Россия – Запад, порожденного трансатлантической акцией «цветной революции» на Украине, во многом зависит от потенциала современного международного права, задача которого, как писал Ф.Ф. Мартенс состоит в том, чтобы «установить с общего согласия пределы свободы действий каждого государства, найти общую почву для развития различных интересов государств»².

Современная доктрина международного права, сформировавшаяся как общее наследие европейской правовой традиции, имеет особые основания считаться носящей черты русской правовой мысли и, прежде всего, школы Ф.Ф. Мартенса. Его школа определялась приверженностью принципам международной законности и верховенству права как основе внешней политики цивилизованных государств, непризнанием силы в качестве средства разрешения межгосударственных споров и предотвращения «европейских столкновений». Ф.Ф. Мартенс был первым, кто обратил внимание на важнейший вклад России и ее доктрины международного права в дело обеспечения мира и международной безопасности. Давая оценку итогам и роли Гаагской конференции мира 1899 года он указывал: «мне неизвестна история другого какого-либо цивилизованного народа, которая представляла бы столько попыток для миролюбивого разрешения вопросов международного порядка и права»³. В мировой науке международного права и европейском правосознании профессор Санкт-Петербургского университета и Александровского лицея (близкого аналога МГИМО) Федор Федорович Мартенс был общепризнанным ведущим юристом, выступавшим за примат права в международных отношениях, добивавшийся создания международного суда с правом принятия обязывающих решений и снискавший репутацию «русского политика»⁴. В Германии, несмотря на принципиальные противоречия русской и немецкой международно-правовых доктрин, Мартенса называли (Г. Веберг, известный теоретическим наследием) «одним из основателей современного международного права»⁵, признававших, что «теоретические работы Мартенса ускорили преобразование международного права в современное»⁶. Ученик и последователь Мартенса барон Борис Нольде полагал, что до зарождения школы Мартенса современное международное право «фактически не существовало» и его становление во многом связано с его заслугой. Уникальность профессионализма Мартенса и его теоретической и практической

школы строилась на трех основаниях: действенном международном праве, миротворческой дипломатии и «доказательной» публицистике. Правоприменительные идеи школы явились восприимчивыми от старого русского (времен Н.И. Панина и П.А. Румянцева-Задунайского), «активного» внешнеполитического принципа – *non solum armis* (не только оружием). Всегда востребовано понимание, что всякое международное явление должно рассматриваться в двух аналитических ипостасях – как *diplomatic entity* (дипломатический объект) и в качестве *casus juridicae* (казуса юридического). Французский дипломат, пацифист-единомышленник, современник Поль д’Этурнель де Констан (также «личность по признаку дипломата: широта интересов») выражал уверенность в том, что возможности дипломатии крайне ограничены. Его позиция заключалась в том, что «вытеснение войны законом представляет единственный путь к миру, и дипломаты должны уступить место законодателям». От политически умеренного и «верноподданного» Мартенса его отличал изрядный радикализм взглядов (во французском сенате барон представлял радикальных социалистов). С этим связана и его решимость покинуть «позолоченный мир дипломатии ради настоящей борьбы против невежества». Впрочем, его радикализм не помешал ему получить Нобелевскую премию мира, Мартенс же, при всеобщем признании его уникального вклада в дело европейского мира, таковую так и не получил. Позиция д’Этурнеля в пользу «предпочтения» международного закона дипломатии была, вероятно, первой «тенью» последующих рассуждений о «другитизации» (*droitisation*) международных отношений, их «тотальной» легитимации, современной рефлексией на которую стали процессы деконструкции и фрагментации международного правопорядка. Но есть и немало упреков в адрес международного закона, нередко юридически регламентировавшего «разбойные» явления. Первым юридическим трактатом Гуго Гроция явились «Комментарии о праве добычи» 1604 г. (*De jure Praedae commentarius*) в целях юридической защиты на принципах естественного права (принцип справедливости) захвата голландцами португальского судна «Санта Катарина».

Русский юрист *par excellence* и дипломат *re non verbis* (на деле, а не на словах) Мартенс привнес в отечественную внешнюю политику и доктрину международного права понимание международно-правовых норм и обязательств как «законов усердной неотступности». Мартенс и его последователи, М.А. Таубе, Б.Э. Нольде

и А.Н.Мандельштам, заложили понимание международно-правовой доктрины как реального средства, способного если не предотвратить, то сдержать обнажившееся в конце XIX – начале XX веков движение к войне в условиях нарастающих антагонизмов и противостояния двух военных коалиций – Антанты и Тройственного союза. Правовая доктрина Мартенса соответствовала общественным настроениям и, в целом, правительственной политике, находившимся под известным влиянием одного из духовных русских мыслителей, утверждавшего, что «война, особенно наступательная, свидетельствует о языческом направлении народа».

Зародившееся пацифистское движение и состоявшееся, как полагали Мартенс и его сторонники в науке и практике международного права, в качестве влиятельной общественной, антивоенной европейской силы, не стало реальной преградой на пути к первой европейской катастрофе века. Нобелевские премии мира и их лауреаты остались не более чем моральными символами международного противодействия европейскому милитаризму. В письме Фритюфу Нансену выдающейся «баронессы мира» Берты фон Зуттнер выражено общее настроение пацифистов того времени – «уйти от царства войны, потому что будущее принадлежит праву»⁷. Очевидно, что с самого зарождения европейского пацифизма его движущей «энергией» во многом был идеализм. Высшая оценка человека, как следует из мемуаров пацифистки, определяется состоянием «души, совершенно заполненной идеалом». Мало кто ожидал, что идеалистические мотивы активной борьбы за предотвращение войны австрийской пацифистки могут стать точкой опоры для последующего движения против шовинизма в Европе и в поддержку созыва по инициативе императора Николая II Первой Гаагской конференции мира 1899 г. Ее известная книга «Die Waffen nieder» («Долой оружие») и последующий роман «Дети Марты» повлекли высокое признание идей, в ней заложенных, не только в общественной среде, но и в профессиональной европейской дипломатии и в науке международного права. Профессор Мартенс во многом разделял «правовой» идеализм «благородно уверенного» века и идеи пропитанного им самоуверенного пацифизма, много способствовавшего рождению замыслов по созданию и утверждению норм ведения современной войны, гуманитарного права и созыву в этих целях всемирных конференций. Следуя этой позиции он писал из Санкт-Петербурга баронессе: «Ваши выдающиеся заслуги в защи-

те интересов мира и в арбитраже обеспечили Вам, Мадам, исключительное место среди сторонников этой великой идеи»⁸. Европейское поколение *belle époque* отдавало отчет в том, говоря языком австрийских пацифистов, что *Apostel schmeicheln nicht* – Апостол не льстит, наверное, имея в виду, что «когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнет» (1 Фес; 1 Сол., 5, 3). «Право и справедливость являются основой всех культур, и это относится и к государствам», утверждали европейские пацифисты. Смысл позиции правового пацифизма восходил к утверждению Канта: «Не было бы права – не было бы и достойной жизни человека на земле». Пацифистский «миракль» баронессы, порожденный гаагскими миротворческими усилиями, сыграл немалую антивоенную роль, но оказался не равнодействующим милитаристским устремлением тех лет. Вывод австрийской *Freifrau* – воительницы мира: «*Der Volkerfriede ist auf dem Wege*»⁹ («Мир между народами прокладывает путь»), – остался мистериальной драмой.

Институт международной юрисдикции – Постоянная Палата Третейского суда, международный арбитражный суд, учрежденный в 1899 г. в Гааге в соответствии с Конвенцией о мирном разрешении международных столкновений, оказался бессильным в содействии общеевропейскому «решающему» противодействию нараставшему политическому кризису и предотвращению цивилизационной катастрофы века. Возлагавшиеся на созданную модель международного правосудия и арбитража надежды, как на реальный юридический инструмент сохранения европейского мира и правопорядка, не совсем подтвердились. В складывавшихся тогда условиях возобладали «доктрины» тех «политиканов и борзописцев», по выражению проф. Камаровского, которые «получили возможность играть судьбами народов ради своих личных интересов»¹⁰. Пацифистское движение было взаимосвязано с институтом арбитража как основной тенденцией утверждения международной юриспруденции в предвоенной европейской цивилизации. Европейская идея, имевшая почвой западную христианскую цивилизацию, находила обоснование в нормах *jus gentium*, породивших арбитражную форму решения международных противоречий. В международной области, писал граф Камаровский, «доселе нет организованной юстиции, и третейские суды призваны положить им первое прочное основание»¹¹. В третейском разбирательстве сле-

дует видеть не просто посредничество или попытки примирения, а юридический способ решения несогласия между сторонами¹². Происхождение и становление международного правосудия Камаровский усматривал в арбитражных институтах¹³.

Diplomatiae tribunalali начала прошлого века проявилась как предпочтительная, действительно поддерживаемая школой Мартенса доктринальная практика урегулирования проблем войны и мира. Концепции арбитражного преодоления европейских противоречий, прежде всего в области коллективной безопасности и отказа от применения военной силы, приобрели доминирующий характер в нормотворческой международно-правовой науке, нашли определенное отражение в дипломатической практике ряда европейских государств. На Гаагских мирных конференциях 1899-1907 гг. нидерландский юрист Тобиас Ассер, добился определенной поддержки «принципа обязательного арбитража» как альтернативы силового, вооруженного урегулирования межгосударственных конфликтов. «Отмеченные» Нобелевской премией мира в 1909 г. бельгийский юрист Огюст Беернарт, «за усилия в становлении международного арбитража», и французский дипломат барон Этурнель де Констан, «за договоры об арбитраже между Францией и соседними государствами», внесли решающий вклад в миротворческий потенциал арбитражной доктрины предвоенных лет. Другой Нобелевский лауреат кануна войны (1913 г.), бельгийский юрист Анри Лафонтен, «как истинный лидер народного движения за мир в Европе», при всем «христианском предубеждении к его масонству» (масон брюссельской ложи «*Les Amis Philanthropes*» № 1 и один из основателей Международного смешанного масонского ордена «Право человека») был поддержан в том, чтобы уже в ходе мировой войны изложить в Бостоне принципы международных отношений, включая правовые основания всемирной конституции и международного суда. Его пацифистские усилия с вторжением кайзеровской Германии в Бельгию в 1914 г. потерпели фиаско и не имели шансов на перспективу. Похожая судьба постигла и другие нормотворческие инициативы европейских юристов – пацифистов в «версальский» период. Последующие идеи Нобелевского лауреата премии мира Фердинанда Бюиссона, французского педагога-реформатора, (совместно с немцем Людвигом Квидде) «за деятельность, направленную на восстановление понимания между французским и германским народами», не получили поддержки в «постверсальской» Европе. Его «доктрина мира через

европейское воспитание» в межвоенный период потерпела политическое фиаско и «педагогическое» банкротство. Французский писатель с «русскими корнями» Ромэн Гари, получивший «полноценное» межвоенное воспитание, разъясняет в своей одноименной книге, что «европейское воспитание – это когда расстреливают твоего отца или ты сам убиваешь кого-то во имя чего-то важного...». Начавшееся как век арбитражного правосудия минувшее столетие не стало эпохой юридического исключения войны из цивилизационного будущего и утверждения справедливого правопорядка. Доктрины организации международных отношений и безопасности европейских государств на основах арбитражного права (в том числе нобелевских лауреатов мира швейцарца Шарля Гоба, основателя международной арбитражной лиги, немца Людвига Квидде, французов Луи Рено, Леона Буржуа и итальянца Эрнесто Монета) действенной государственной поддержки в Европе не получили. Деяния последующей «череды» обладателей премии мира (Бриан, Штресеманн, Чемберлен, Рут, Вильсон, Келлог и т. д.) также, впрочем, с мало заметным позитивом отразились на преодолении роковых «настроений» современной цивилизации. Одна из причин, вероятно, – в укоренившейся еще в прошлом веке секулярности реальной, той самой «шовинистической» политики, отвергающей принцип верховенства права и нормы *jus cogens* в международном поведении. Европейская идея как арбитражная форма верховенства права в цивилизационном пространстве того времени однозначного признания не получила и обязывающего характера не приобрела.

Одностороннее мнение барона М. А. Таубе, одного из учеников Ф.Ф. Мартенса, о том, что в сложившейся «международной конъюнктуре» начала XX века созданное «сердечное согласие» (*Entente cordiale*) с Англией в 1904 г., при наличии франко-русского союза, сыграло фатальную роль в постепенном нарастании европейского конфликта¹⁴, отразило все еще существовавшее разделение в правительственных кругах России и настроениях в обществе, на сторонников возобновления прежних «союзных» отношений с Германией и на твердых проводников идеи русско-французского, антикайзеровского союза. Явная недооценка действенной роли русской школы международного права и вклада Ф.Ф. Мартенса присутствует и в его объяснениях причин того, что «общеевропейская война не вспыхнула еще до 1914 года, например, после германского «ультиматума»

1909 года (требование признать австро-венгерскую аннексию Боснии и Герцеговины). Заслугу предотвращения войны, как предлагалось бароном, «необходимо приписать личному нежеланию» монарших особ вступить в «смертельную для их монархий борьбу». По замечанию Таубе, преемника Мартенса, сугубые «сцепления международных враждебных сил», которые привели к мировой катастрофе 1914-1918 годов, разъединить ни международно-правовым институтам, ни европейской дипломатии, ни «трем императорам» a huis clos (за закрытыми дверями) не удалось. Его «приговор», как общая позиция представителей мартенсовской правовой доктрины, был «построен» на том, что «подпочва всех международных столкновений и войн заключается в отходе громадного большинства народов и государств от христианских начал любви и мира... к грубо-эгоистическому взаимоотношению, основанному на государственном аморализме. Именно из «такого аморализма, – заключал профессор права, дипломат и теолог Таубе, – который не исключает наличности известных правовых норм между государствами в мирное время, и получается время от времени такой «гордиев узел»¹⁵. Эта позиция соответствовала убеждению его учителя Мартенса, подчеркивавшего нравственную основу права и утверждавшего веру «в идеальную силу права и идей человечности, справедливости и гуманизма».

Правовая философия Мартенса, как и его последователей, строилась на воззрениях, что «ни идея разобщенности, ни идея преклонения перед физической силою, ни идея политического равновесия, ни, наконец, принцип национальности не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Ее руководящее начало – идея права»¹⁶. Предвоенные Гаагские конференции, пользуясь словом Мартенса, стали первыми и последними звеньями «в цепи международных попыток, предпринятых... Россией для установления в международных отношениях более правильного и разумного порядка»¹⁷.

Жизнестойкость и интеллектуальная неуязвимость русской правовой мысли школы Мартенса определяют современную практическую и научную функцию международного права как регулирование «пределов свободы действий каждого государства», поиск «общей почвы для развития различных интересов государств»¹⁸. Теоретическая сторона международно-правового учения Мартенса предполагает, что нормативное содержание договорно-правовых документов,

заключаемых цивилизованными государствами, обеспечивает совпадение и взаимный учет их национальных, прежде всего политических интересов. В практическом смысле эта формула Мартенса означала: именно «на этой силе соединения и примирения противоположных интересов зиждется вся европейская цивилизация. В этой идее взаимной духовной зависимости и в этом познании недостижимости своих индивидуальных сил заключается залог развития цивилизованных европейских народов»¹⁹.

Разработанная Мартенсом теория международного общения рассматривалась как объект примата права и основание мирового правопорядка. Сущность теории представляет одну из мартенсовских *elegantia juris*, юридических тонкостей и заключается в следующем: «В основу научной системы современного международного права должна быть положена идея международного общения, согласно которой каждое самостоятельное государство есть органическая часть единого целого, связанная с другими государствами общностью интересов и прав»²⁰. Владимир Васильевич Пустогаров в своей необыкновенно содержательной книге «...С пальмовой ветвью мира», посвященной исследованию жизни и деятельности Ф. Ф. Мартенса, отмечал, что данная идея получила «превалирующее значение» в трудах ученого-юриста и дипломата. Это стало основанием рассматривать его учение как теорию международного общения. Ссылка на распространение данного доктринального определения присутствует в работе Д. Б. Левина о сущности международного права в оценках русских юристов-международников (см. Советский Ежегодник международного права 1975 г., стр. 218). Практическая реализация доктрины международного общения, полагал Мартенс, должна определяться системой юридических норм, которая и составит право международного общения, а «это и есть международное право». В основе его правотворческого метода лежало убеждение, что действующее международное право, а не декларируемое и тем более не абстрактное, создается реальными обстоятельствами международной политики и дипломатической практики. Актуальным остается фундаментальный постулат, заложенный в его уникальном по юридической и политической значимости курсе «Современное международное право цивилизованных народов»: «...каждый международный закон имеет настолько разумное основание и право на существование, насколько соответствует действительным, разумным жизненным отношениям

между народами»²¹. Как и русская правовая школа в целом, приверженная европейской христианской цивилизации, Мартенс и его сподвижники противостояли политическим и нигилистским воззрениям «за обособление» России от других народов Европы, от общего культурно-исторического и правового пространства.

«Прогностический» смысл имели правотворческие идеи школы Мартенса о международном управлении, прежде всего главы его капитального труда, посвященные международному управлению в области «правовых интересов подданных и народов», а также те главы, которые составили право «международного принуждения и международных столкновений, право войны, право нейтралитета». Очевидно, что принципы и нормы теории международного управления Мартенса явились неким прообразом функциональной основы современных международных организаций и прежде всего ООН. Актуальное звучание сохраняют его правовые представления о природе вмешательства во внутренние дела современных государств. Признавая любое вмешательство «всегда незаконным», он особое значение придавал доказательству неправомерности «любого повода» для внешнего вмешательства. Принципиальное значение, в контексте «украинского кризиса» и его губительных последствий для Европы, приобретает концепция Мартенса о признании «беззаконными» оснований и поводов для вмешательства с целью изменения государственного строя (политического режима), отказывая во вмешательстве во внутренние дела «даже международному праву». Суть позиции «неотступного противодействия» террористической угрозе и экстремистскому насилию, как одна из тем в политико-юридической публицистике Мартенса, дает основания полагать, что именуя противоправительственных террористов «динамитниками» и не заслуживающими снисхождения преступниками, выступая за их «выдачу» (террорист-«народник» Нечаев) русскому правосудию, он никогда не был сторонником применения смертной казни.

Как представляется, во времена зарождения и развития национально-автономных и сепаратистских движений международные юристы уровня Мартенса отчетливо предвидели и появление крайне опасных, националистически-племенных побочных «злокачественных» явлений (дискриминации по национальному признаку), их последствий для единства и целостности цивилизованных государств. Принимая во внимание «противоречивый» опыт построения нацио-

нальных государств XX-XXI столетий, не воспринимается несвоевременной мысль Мартенса, что «принцип национальности... ничего прочного не создает, но разрушить он в состоянии очень многое»²². Это одно из подтверждений, что «Современное международное право цивилизованных народов» Мартенса остается современным правом, источником современной правовой мысли.

В научной и публицистической литературе присутствуют разногласия и оценки творческой личности Ф.Ф. Мартенса вследствие «многофасетной» направленности его деятельности и профессиональных интересов: международная юриспруденция, русская дипломатия, внешнеполитическая публицистика. Были упреки в «приверженности» дипломатии в ущерб «праву». В дипломатических «салонах», напротив, скептически воспринимали «легитимацию» внешнеполитических акций, памятуя немецкую поговорку: «Juristen – böse Christen», то есть, юристы – христиане недобрые. Известны критические суждения графа Л. А. Камаровского, приведенные в его работе «Гаагская конференция мира 1899» по «процедурным» вопросам ее организации, а также утверждение, что дипломатические качества и опыт Мартенса объясняют его некоторый скептицизм в отношении осуществления идей мира. Королевский адвокат Т. Е. Холланд выделял юридическую репутацию Мартенса: «он был в настолько большом спросе как арбитр по международному праву, что его называли лорд-канцлером Европы»²³. В среде американской юриспруденции его считали «главным судьей» христианского мира²⁴. В области внешнеполитической публицистики, в которой он отстаивал международно-правовые позиции и обоснованность дипломатических акций России, ему противостояла оппозиционная народническая (В.В. Водовозов из «Нашего времени») печать, упрекая в «верноподданничестве и беспринципности» в вопросах войны и мира. Уникальная публицистика отечественного юриста, дипломата, выдающегося ученого, десятилетия пребывавшего в преднамеренном забвении и небрежении, как и его дневники, остается неизданной.

Как и во все времена, международный правопорядок, состояние межгосударственных отношений и мировая стабильность зависят не только от воли государств-субъектов международного права, но и от позиций «не безразличия» физических лиц – международных юристов, их слышимой «доктринальной» активности. Как гласит старинная клаузула римского права: «Qui tacit cum loqui debuit et potuit,

consentire videtur», т.е. кто молчит, когда должен и может говорить, тот, по-видимому, со всем соглашается.

Наверное, есть основание и сегодня сказать немеркнущими словами Мартенса: «Мы верим в окончательное торжество права даже там, где оно нарушается самым дерзким образом, потому что верим в идеальную силу права»²⁵.

To the 170th Anniversary of Professor F. F. Martens (1845–1909) (Summary)

*Evgeniy R. Voronin**

Russian school of International law played a pivotal role in the formation of the international legal order and the science of the contemporary international law. Underestimation of the doctrine of international law of professor F.F.Martens accompanied the history of international relations and international legal foundations of the modern world. The legacy of the school of professor F.F.Martens, the greatest lawyer and the talented diplomat of Russia, can be perceived as a legal instrument to resist the today's issues of international law fragmentation, legal nihilism and marginalization of the role of international legal norms in international relations.

Keywords: International law; F.F.Martens; Russian school of International law; Hague Peace Conference 1899; principle of non-intervention; international jurisdiction; Martens theory of international dialogue; idea of law as a fundamental idea of international law; Convention for the Pacific Settlement of International Disputes.

¹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб 1882-1883. Т. I, С.29.

² Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб 1879. С.33.

* Evgeniy R. Voronin – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Professor of the Chair of International Law, MGIMO-University MFA Russia. Ilc48@mail.ru.

- ³ Мартенс Ф.Ф. Гаагская конференция мира. Вестник Европы 1900 г. С.25.
- ⁴ Wehberg H. Friedrich von Martens und die Haager Friedenskonferenzen.//Zeitschrift Internationales Recht. – Bd. XX.– Dusseldorf, 1910. S. 351.
- ⁵ Пустогоаров В.В. «...С пальмовой ветвью мира» Ф.Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. М., 1993. С. 85.
- ⁶ Wehberg H. Ibid. S. 25.
- ⁷ Suttner, von, Bertha. Memoiren. Hamburg. S. 447.
- ⁸ Ibid. S. 590.
- ⁹ Ibid. S. 621.
- ¹⁰ Камаровский Л.А. Основные вопросы науки международного права. М., 1892, с. 91.
- ¹¹ Камаровский Л.А. О международном суде. М., 2015, с. 284.
- ¹² Там же, с. 287.
- ¹³ Там же, с. XXVII.
- ¹⁴ Таубе М.А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900 – 1917). М., 2007. С. 180-181.
- ¹⁵ Таубе М. А. Указ. соч. С. 180.
- ¹⁶ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Изд. 3-е., СПб., 1895. Т. 1. С. 9, 29.
- ¹⁷ Мартенс Ф.Ф. Гаагская конференция мира.// Вестник Европы. 1900, февраль. С. 24.
- ¹⁸ Мартенс Ф.Ф. Брюссельская конференция. СПб., 1879. С. 33.
- ¹⁹ Мартенс Ф.Ф. Россия и литературное сообщество западноевропейских народов. Вестник Европы. 1881. С. 236.
- ²⁰ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. С. 178.
- ²¹ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. С. 17.
- ²² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. С. 151.
- ²³ Holland T. E. Frederik de Martens. Journal of the Society of Comparative Legislation. London 1909. № 10. P. 10.
- ²⁴ The North American Review. November, N.-Y., 1899. Т. 169, № 5. P. 604.
- ²⁵ Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб 1879. С.41.